

Л.К.ГАЛАНИНА

СКИФСКИЕ ГРОБНИЦЫ В КЕЛЕРМЕСЕ

Келермесские курганы занимали центральное место в многочисленных трудах М.И.Артамонова, посвященных различным аспектам раннескифской культуры. Между тем общая археологическая ситуация в этих памятниках свидетельствовала, по его мнению, что они были оставлены не скифами и не меотами, а вернувшимися из переднеазиатских походов киммерийцами (1, с.18; 2, с.61-63). Следует отметить, что, подобно большинству исследователей, М.И.Артамонов реконструировал картину погребального обряда в Келермесе только на основании сведений о двух курганах, открытых Н.И.Веселовским, которые, как это стало известно сравнительно недавно, оказались неполными и во многом неверными. И совсем не учитывались неопубликованные отчеты Д.Г.Шульца, из которых при всей их краткости и недоброкачественности, можно, однако, извлечь полезную информацию.

В настоящее же время Келермес предстал перед нами в совершенно новом свете. Благодаря современным раскопкам, которые систематически ведутся, начиная с 1981 года, выяснилось, что в середине - второй половине VII в.до н.э. в северо-западной и центральной частях курганной цепочки, возникшей на протяжении эпохи ранней и средней бронзы, функционировал некрополь, принадлежавший неоднородному в социальном и этническом отношении обществу. По признакам погребального обряда выделяются две основные группы памятников. Одна из них (III и IV типы могил, по нашей классификации) обладает ярко выраженными чертами, свойственными меотской погребальной практике (3, с.156-164; 4, с.74-102; 5, с.43-47; 6, с.20-22). Но нас интересует вторая группа памятников (I и II типы могил), связанная несомненно с культурой пришлых кочевых племен скифов, как полагает большинство ученых или киммерийцев, по определению М.И.Артамонова.

К I типу могил относятся богатые усыпальницы, возведенные на северном конце могильника (рис. 1). Это — оба кургана Н.И.Веселовского — №№ 27 и 31 на плане (7, с.86-95), а также курганы 3 и 4 Д.Г.Шульца — один из них соотносится с курганом 24 на плане (8, л.48,49; 5, с.34-43). Для этих комплексов специфичны крупногабаритные насыпи, достигавшие в высоту 4-5 м и стандартные по форме и размерам могилы, представлявшие собой углубленные в материковый пласт подквадратные ямы площадью около 40 кв.м (рис. 2-6). Располагались они под центром курганной насыпи. Глубина могил по отношению к уровню древнего горизонта колебалась в среднем в пределах 2-2,4 м.

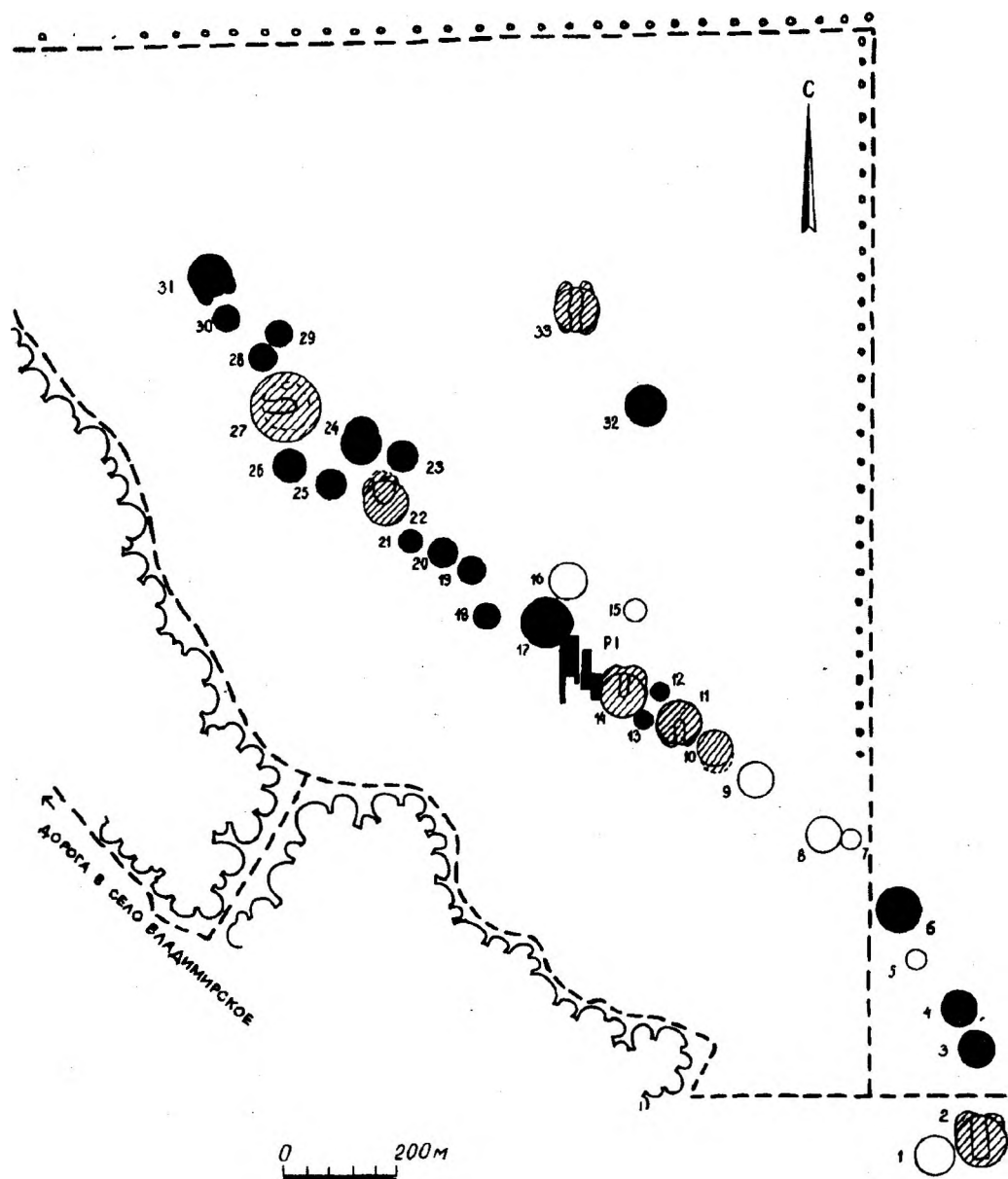

Рис. 1. План курганной группы Келермесского могильника.
 1 - дореволюционные раскопки; 2 - раскопки 1981-1990гг.); 3 - грунтовый могильник.

Материковый выкид из ям, лежавший обычно неправильным кольцом на древней дневной поверхности, достигал в высоту 1,2-1,5 м. Произведенное в 1990г. доисследование кургана 31 показало, что там поверх материкового вала шел тонкий травянистый слой, плавно опускавшийся ко дну могилы, которое было покрыто деревянным настилом с обмазкой из ярко-зеленой глины и обрамлено со всех сторон толстыми досками (9, с.22,23) (рис. 6).

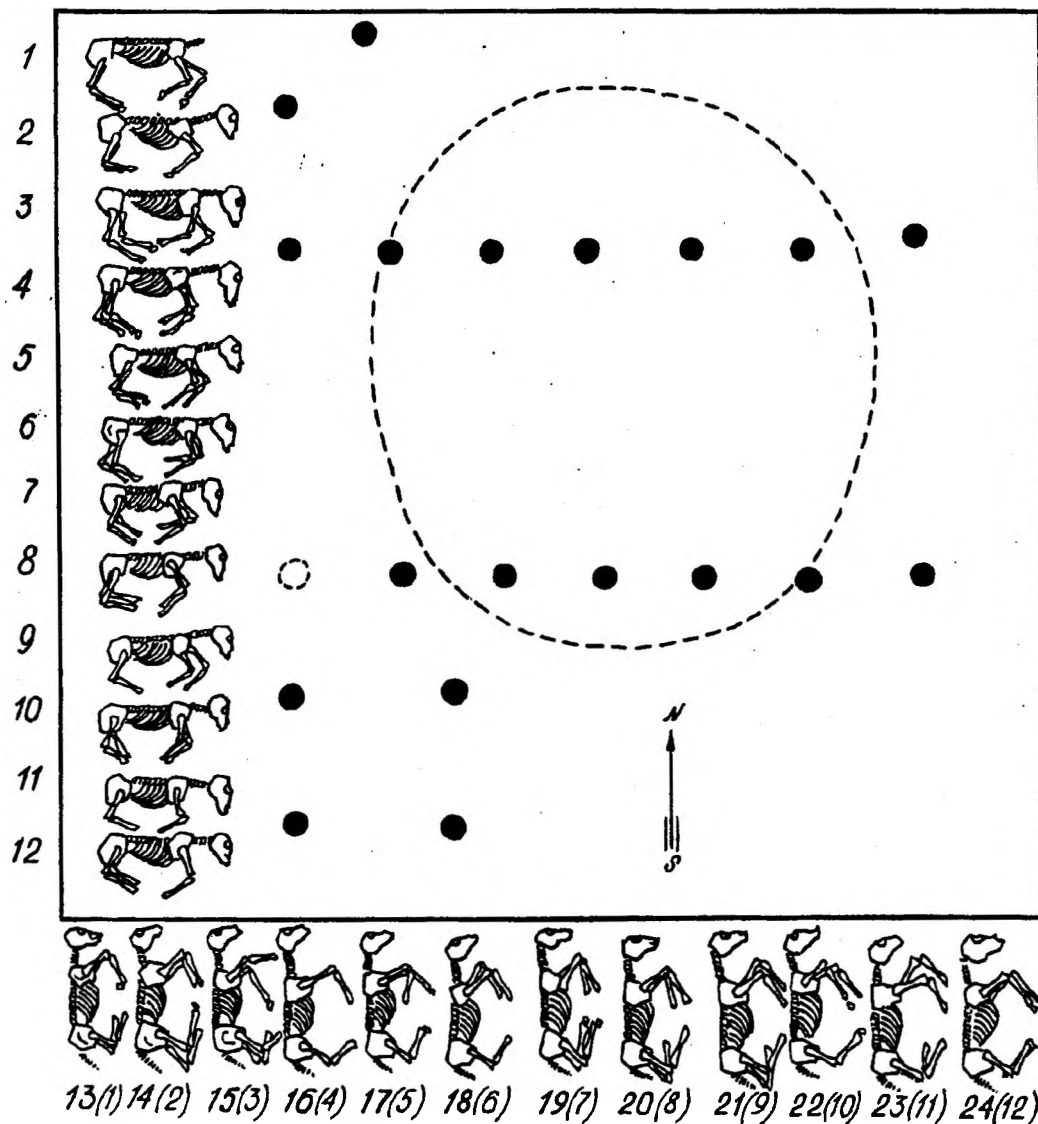

Рис. 2,1. План могилы в кургане I. Раскопки Н.И.Веселовского, 1904 г. Пунктиром показана грабительская воронка. В скобках проставлены номера коней по Н.И.Веселовскому.

В свете раскопок курганов 24 и 31 стало очевидно, что для келермесских погребальных памятников не характерны ни столбовые опорные конструкции, ни деревянные перекрытия. Ямки от столбов, выявленные вдоль верхнего южного борта могилы в кургане 24, являлись, вероятнее всего, следами стоявших там конюшней (рис. 5). Не обнаружены также упоминаемые Н.И.Веселовским двойные уступы на стенках могил в курганах 1 и 2 (в дальнейшем 1/В и 2/В). Уступ, а точнее срезанная на уровне древнего горизонта и покатая к погребальной яме площадка с покрытием из зеленой глины, имелся только на южной стороне и предназначался для верхнего ряда лошадей.

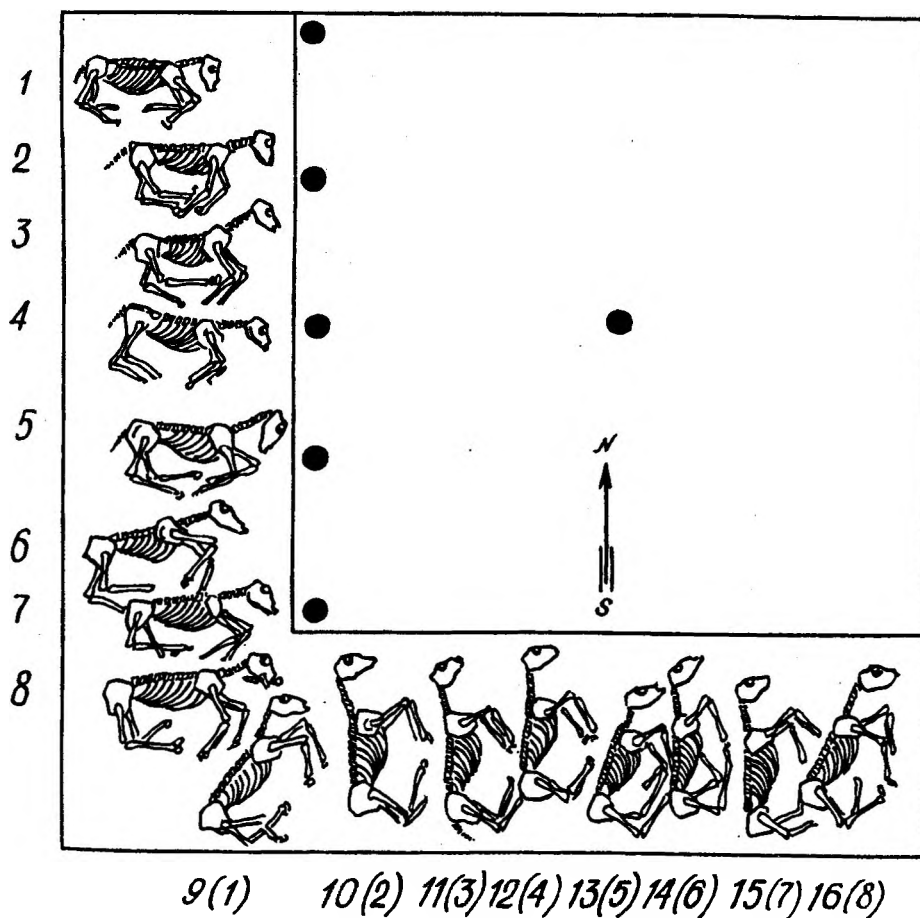

Рис. 2,2. План могилы в кургане 2. Раскопки Н.И.Веселовского, 1904 г. В скобках представлены номера коней по Н.И.Веселовскому.

Прежде чем перейти к рассмотрению других особенностей погребального обряда больших Келермесских курганов, необходимо отметить следующее обстоятельство. Из-за недостатка раскопчной информации не поддается безоговорочному решению вопрос о типе могильных сооружений в курганах 3 и 4 Д.Г.Шульца (в дальнейшем 3/Ш, 4/Ш и т.д.), если в том из них, который соответствует кургану 24, могила была вырыта в грунте, то в другом (теоретически) она могла располагаться на земной поверхности. Однако общая погребальная ситуация в обоих комплексах говорит скорее в пользу тождественности их как между собой, так и с курганами Н.И.Веселовского, чем и оправдывается привлечение материалов всех этих четырех памятников в рассматриваемом ниже аспекте.

В кургане 24 на непо потревоженном участке дна близ центра могилы от останков погребенного сохранились только фаланги кисти руки и зуб, а в кургане 1/В у края грабительской ямы встречались человеческие кости, перемежавшиеся с конскими. Какие-либо данные о человеческих захоронениях в кургане 2/В вообще отсутствуют. В кургане 4/Ш в насыпи попадались разрозненные человеческие кости и на глубине 4,97 м обнаружен череп, а к югу от него — конский череп. Что касается кургана 3/Ш, то, судя по чертежной схеме, там был выявлен один скелет (рис. 3). Однако по замечанию Н.И.Веселовского, никак им не прокомментированному, в этой могиле было совершено парное (разнополное) захоронение, чему, надо сказать, не противоречит состав сопроводительного инвентаря.

Одной из самых ярких особенностей погребального обряда келермесских памятников I типа являются массовые конские жертвоприношения. По числу жертв на первом месте стоит курган 1/В (24 особи), за ним следуют курганы 3/Ш (21 особь), 2/В (16 особей) и, наконец, не до конца исследованный курган 4/Ш, где выявлено было только 7 западных коней. Согласно же нормативным правилам, лошади обычно размещались двумя численно равными группами — на дне могилы вдоль западной стенки и на покатом верхнем южном обресе погребальной ямы. Как показали современные раскопки, Н.И.Веселовский ошибочно указал, что в кургане 2 южные лошади помещались внутри могилы. Выяснилось также, что кони располагались не такими правильными рядами, как это представлено на планах Н.И.Веселовского. Явно не соответствует действительности картина размещения коней в кургане 3/Ш, где они занимают всю могилу (рис. 3). Очевидно, что Д.Г.Шульц, как обычно, не потрудился разобрать конские захоронения.

В тщательно разработанном ритуале конских жертвоприношении важная роль отводилась характеру оформления наременного оголовья, являвшемуся, по видимому, этносоциальным признаком. По видам уздечного убранства лошади подразделяются на пять основных групп или кланов (10, с.37-52). В кургане 1/В каждая из трех представленных там групп занимала подобающее ей место (кони с серебряными, золотыми и костяными уздечными наборами) и даже внутри их подчеркивалась субординация, выражавшаяся в неравном количестве причитавшихся им наременных украшений. Аналогичную картину показывает курган 24, где четко выделяются две группы коней: одна была снабжена уздечками с костяными пряжками-пронизьями, другая — с железными перстневидными бляшками. И только в кургане 2/В не наблюдалось системы в расположении коней, принадлежавших к пяти различным кланам.

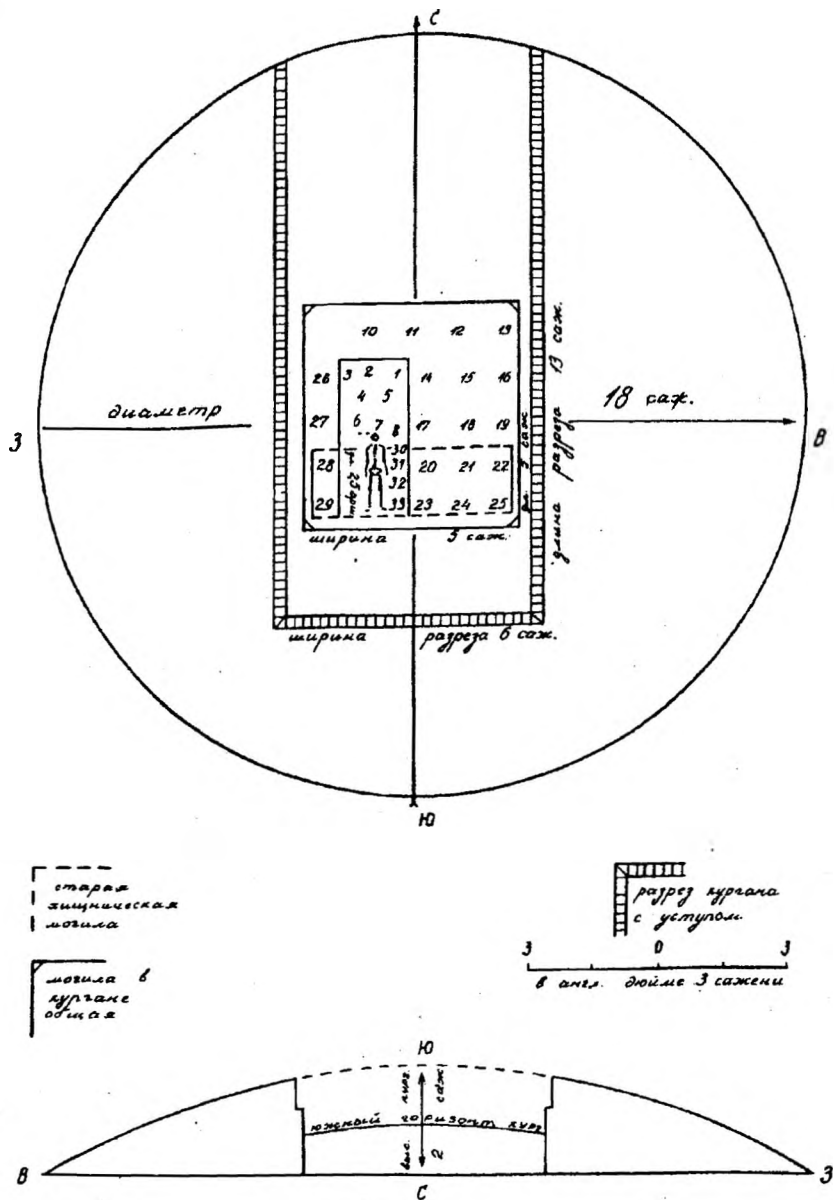

Рис. 3. План и разрез кургана 3. Раскопки Д.Г.Шульца, 1904 г.

- 1 - котел; 2-5 - навершия; 6 - ситупа; 7 - диадема; 8 - ритоны; 8a - сдавленный предмет;
 9-30 - скелеты коней; 31 - цепочка; 32 - сдавленный предмет.
 1-6 - бронза; 7-8a, 31, 32 - золото; 8 - серебро.

С наземными конскими захоронениями сочетались, как правило, культовые, преимущественно шумящие бронзовые и железные навершия, специфичные только для четырех рассматриваемых келермесских комплексов (11, с.98, рис.3). В кургане 1/В тринадцать экземпляров концентрировались около "золотой" шестерки коней, покоившейся на верхнем южном обресе могилы. Еще две пары наверший обнаружены выше этих конских захоронений. Курган 2/В содержал семь наверший. Пять из них локализовались на пространстве между конями 10 и 15 южной группы. Кроме того, при доисследовании этого памятника был открыт поминальный жертвенный комплекс, состоявший из пары железных наверший и двух уздечек. Но располагался он на материковом выкиде и не на южной, а на северной стороне могилы. С юго-западной частью могилы кургана 4/Ш связывается бронзовое шаровидное навершие. Пять наверший из кургана 3/Ш тоже причастны к конским захоронениям, но конкретное их местонахождение не известно.

Приведенные данные говорят об особо сакральном характере южной стороны погребальных камер. В этом нас убеждает и такая обрядовая деталь как наконечники двух копий, вонзенные острием в землю у южной стенки могилы в кургане 4/Ш (8, л.4, 49). К элементам погребального обряда, возможно, относится овальная галька, найденная на центральном участке погребальной камеры в кургане 2/В. В центре других двух могил (курганы 1/В и 3/Ш) размещались каменные жертвенники. Первый из них представлял собой обломок известняковой плиты с четырехугольным углублением внутри. Второй имел вид квадратной, тоже известняковой плиты размерами 1,42 x 1,42 x 0,35 м, но с отверстием посередине, что указывает на его принадлежность к жертвенникам типа эсхаров. В кургане 24 встречены остатки мясной напутственной пищи, лежавшей ранее, судя по медным окислам на костях, в котле или каком-то бронзовом сосуде.

И обряд погребения, и то, что уцелело в могилах после их ограбления, не оставляют сомнения в принадлежности умерших к верхушке местного общества. Их хоронили в одеждах, украшенных золотыми бляшками и пронизьями, бусами из сердолика, непрозрачного стекла и египетского фаянса. Убранство костюмов дополняли золотые диадемы, гривны и другие атрибуты лиц знатного происхождения (11, с.98, рис.3). Во всех могилах сохранились те или иные предметы вооружения — наконечники стрел и копий, колчаные застёжки, обкладка горита, части наборных панцирей, шлемы и пр.

Среди погребальных приношений важное место занимала посуда для питья и напутственной пищи, как повседневная, так и ритуальная. У северной стенки могилы ставили обычно от двух до четырех лепных глиняных сосудов (курганы 1 и 2/В, 24). В северо-восточном или северо-западном углу помещались бронзовые котлы и тазы. В юго-западной части могилы в кургане 2/В оказались два бронзовых клепаных сосуда кавказского типа и аналогичный сосуд встречен в кургане 4/Ш. Завершают этот перечень два серебряных ритона, обнаруженных восточнее черепа человеческого скелета в кургане 3/Ш. Из других категорий вещей отметим зеркала из серебра и бронзы, железные ножи, костяную пинтадеру, кусок кремня и астрагалы для игры в кости (11, с.98, рис.3).

В целом вещевой набор погребений I типа, состоящий из предметов разного происхождения, вполне согласуется с традиционным представлением о скифском

комплексе материальной культуры периода ранней архаики.

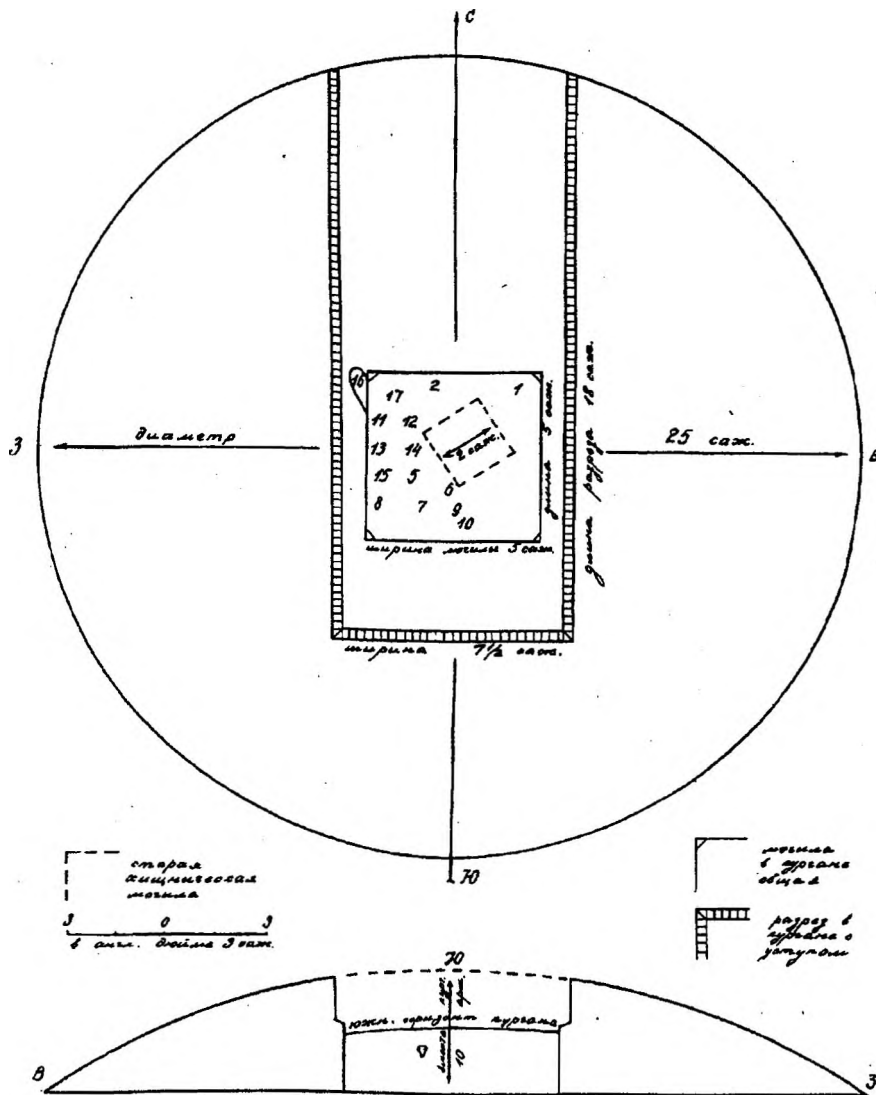

Рис. 4. План и разрез кургана 4. Раскопки Д.Г.Шульда, 1904 г.

1 - котел; 2, 2a - наконечники стрел; 3 - бусы; 4, 5 - обкладки от конских фаларов; 6 - обкладка горита; 7 - зеркало; 8 - навершие; 9 - фигурка ?; 10 - два наконечника копья; 11-17 - скелеты коней.

1, 2, 8 - бронза, 3 - паста, 4, 5, 6, 9 - золото, 7 - серебро, электр, 10 - железо, 2a - кость.

Ко II типу келермесских погребальных памятников относятся курганы 23 и 29, раскопанные соответственно в 1986 и 1988 гг. Отличительные их признаки — небольшие размеры земляных насыпей (к моменту раскопок они были сильно распаханы и имели максимальную высоту 0,5 м и 1 м) и не углубленные в материк могилы.

В первом из них на уровне древнего горизонта выявлены следы кострищ, а из находок встречены только кости животных, конские зубы и бронзовый наколочник стрелы. Могила была либо разрушена траншеей Д.Г.Шульца, либо это был не погребальный комплекс. С некоторой долей основания его можно соотнести с курганом 2/Ш, в котором при первичных раскопках был зафиксирован слой жженой земли.

На древней дневной поверхности размещались также находки в кургане 29 (рис. 7). Там на площади 5,5 х 6 м, помимо останков не менее семи взнузданных коней, лежавших двумя рядами (один, как обычно, на юге, другой — на западе), были обнаружены фрагменты глиняных сосудов, обломок каменного блюда, куски кремня, железный нож, части наборного панциря, каменный оселок, железный наконечник стрелы и копья. Следы человеческого погребения отсутствовали.

По многочисленности конских захоронений и схеме их расположения данный комплекс перекликается с предыдущими памятниками, в том числе с курганом 4/Ш. Однако одного этого признака недостаточно для отождествления его с последним, поскольку аналогичная картина была, по-видимому, и в кургане 3/Ш. К тому же слишком значительна разница в высоте их курганных насыпей.

Досадно, что дефекты полевой документации не позволяют однозначно определить тип погребальной конструкции в самом первом и самом знаменитом из открытых Д.Г.Шульцем курганов. Нам уже приходилось отмечать, что, если верить чертежной схеме Д.Г.Шульца, а она по ряду параметров не совпадает с данными его отчета, этот четырех- или шестиметровый курган содержал впускное погребение, с останками знатного воина, ориентированного головой на юг и сопровождавшегося конем, при котором было найдено две пары удил. В таком случае здесь налицо характерные элементы меотского погребального обряда (5, с.47). Однако известно, что Д.Г.Шулец не докопал этот курган до конца. На этом основании и по ряду других признаков можно допустить, что Д.Г.Шулец не выявил границы могильной камеры, которая по размерам, расположению и погребальному обряду могла примыкать к аристократическим усыпальницам вышеописанных типов. Тем более, что и вещевой инвентарь из этого комплекса ничем не отличается от погребальных приношений, обнаруженных в других богатых усыпальницах Келермеса.

Курганный обряд имеет глубокие корни в Закубанье. Однако с предскифского периода в протомеотской, по Н.В.Анфимову, этнической среде получает широкое распространение бескурганный способ захоронения. Подкурганные же могилы, как основные, так и впускные, чрезвычайно редки в это время и не имеют ничего общего с келермесскими памятниками.

Еще совсем недавно курган Уашхито, раскопанный в 1987г., в котором была открыта большая грунтовая могила со следами опорных столбов и шатровым перекрытием (12, с.18-27), можно было бы считать прототипом келермесских погре-

бальных сооружений I типа. Но, как мы знаем теперь, последние не имели ни деревянных перекрытий над обширными ямами, ни сложных деревянных конструкций внутри них, чем они отличаются не только от кургана Уашхито, но и от основной массы подкурганых ямных могил раннескифской эпохи на территории Северо-Западного Кавказа (13, с.33, табл.2).

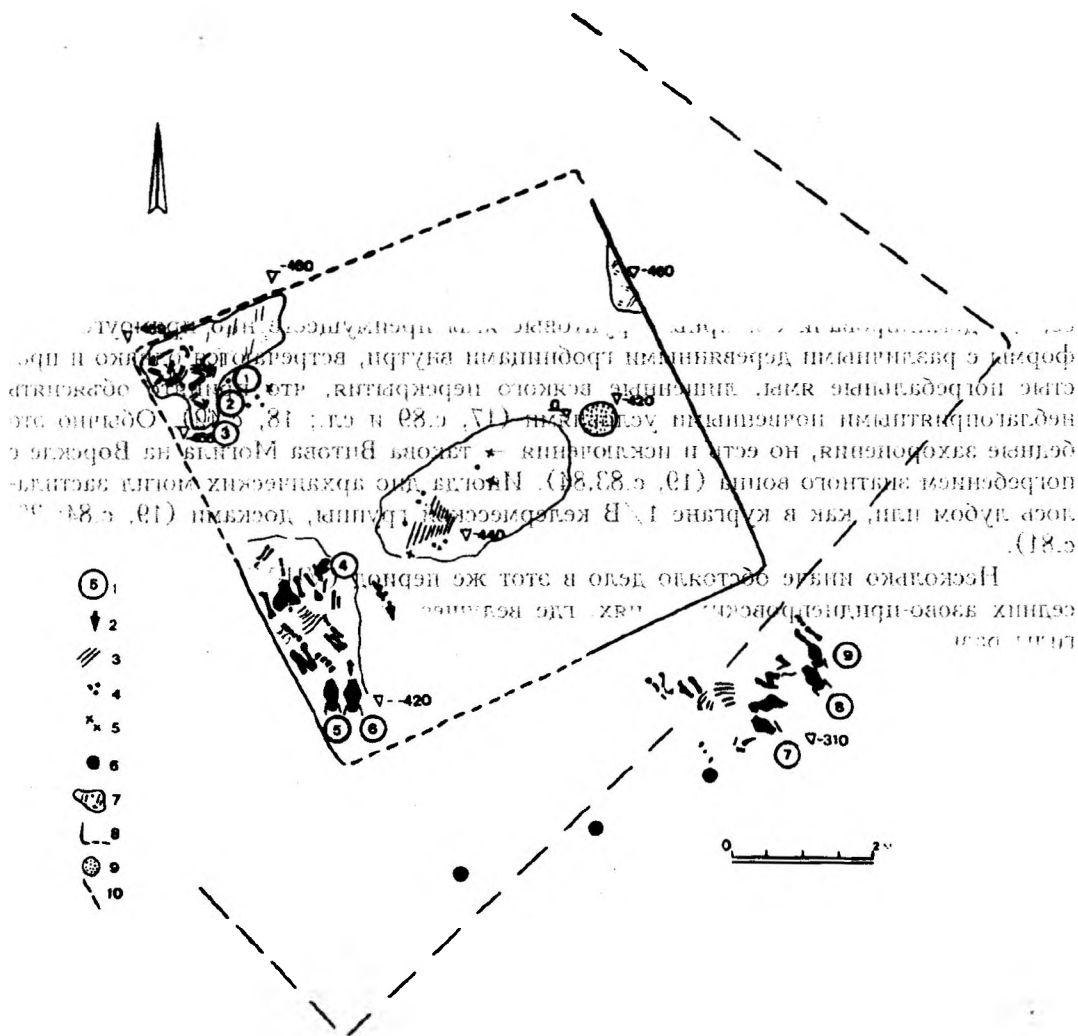

Рис. 5. План могилы в кургане 24. Раскопки Л.К.Галаниной, 1983 г.

1 - номер жертвенного коня; 2 - скопление наконечников стрел; 3 - место находок панцирных пластинок; 4 - золотые бляшки; 5 - уздечные украшения; 6 - ямки от столбов; 7 - фрагменты травянистого перекрытия; 8 - границы могильной ямы; 9 - ямка с окислами бронзы и костями животных; 10 - границы траншеи Д.Г.Шульца.

По-видимому, простая грунтовая могила келермесского типа была выявлена в Ульском кургане 1/1910 г., не входящем в состав основной курганной группы с тем же названием (14, с.156).

Большие квадратные ямы без встроенных в них срубов или склепов обнаружены, наряду с другими видами погребальных камер, на Краснознаменском могильнике в Ставрополе — в кургане 9 новочеркасской поры и в кургане 3, синхронном с Келермесом. Причем во всех памятниках этой группы, кроме кургана 9, кольцо материкового выкида из могилы было перекрыто либо камышом, либо камнем (15, с.44).

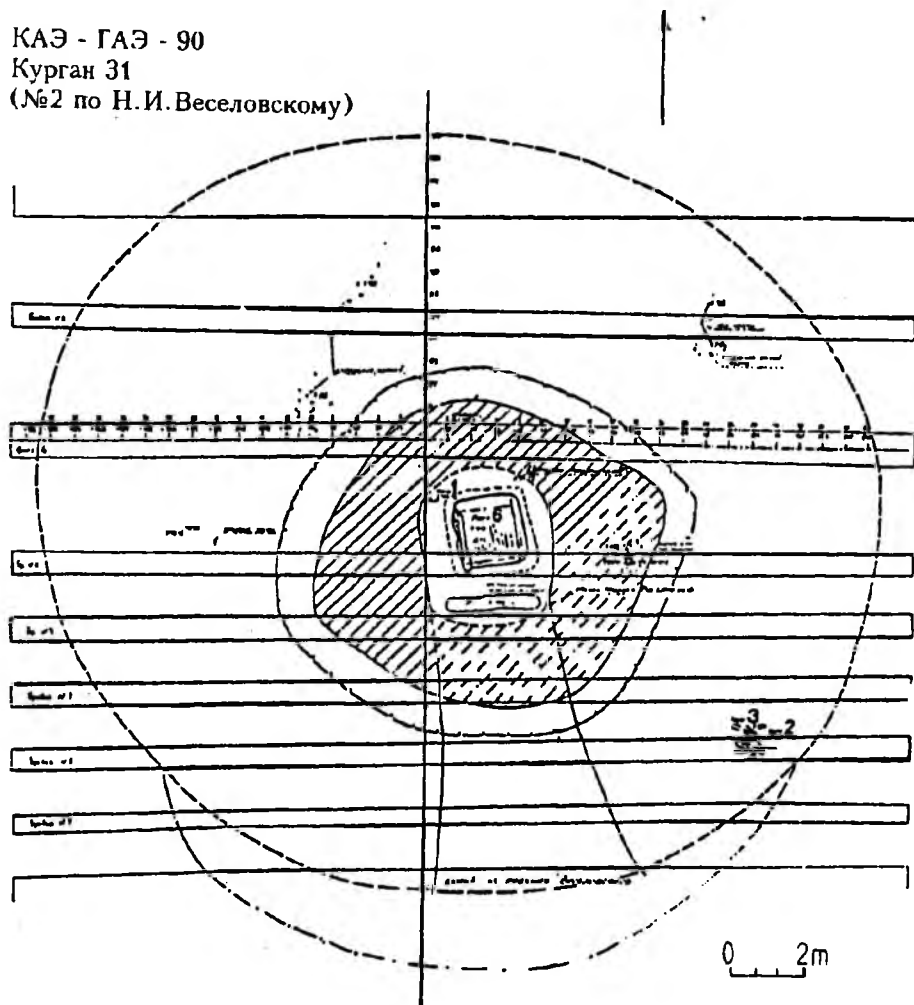
Квадратные ямные могилы площадью от 9 до 36 м в ряде случаев со следами одновенцовых срубов, характерны для Нартанского могильника в Кабардино-Балкарии, большинство погребений которого относится к VII-VI вв. до н.э. В кургане 16 пол земляной камеры был покрыт темно-серой глиной, а в кургане 19 — какой-то подстилкой. В курганах 12 и 16 могилы и выкид из них перекрывал слой древесного перегноя (хвороста, по В.М.Батчаеву) (16, с.52).

За пределами Предкавказья зоной широкого распространения ямных могил в раннескифский период являлось Северное Причерноморье. В лесостепной полосе, где доминировали обширные грунтовые ямы преимущественно прямоугольной формы с различными деревянными гробницами внутри, встречаются однако и простые погребальные ямы, лишенные всякого перекрытия, что принято объяснять неблагоприятными почвенными условиями (17, с.89 и сл.; 18, с.42). Обычно это бедные захоронения, но есть и исключения — такова Витова Могила на Ворскле с погребением знатного воина (19, с.83,84). Иногда дно архаических могил застилалось лубом или, как в кургане 1/В келермесской группы, досками (19, с.84; 20, с.81).

Несколько иначе обстояло дело в этот же период (VII-VI вв. до н.э.) в соседних азово-приднепровских степях, где ведущее место занимали грунтовые могилы разной формы (прямоугольные, квадратные, овальные), без сложных деревянных сооружений внутри, но зачастую, хотя и не всегда, с деревянным перекрытием и каменной вымосткой (17, с.86 и сл.; 21, с.90 и сл.; 22, с.49,50). В целом археологические данные вместе с известным утверждением Геродота свидетельствуют о том, что ямный тип могил господствовал в скифском мире вплоть до конца V в. до н.э. При этом основная масса подкурганых ямных погребений VII-V вв. до н.э. открыта в южной части северопонтийского региона (Крым, Одесская, Николаевская, Херсонская области) (23, с.347,348).

В ряде курганов VII-IV вв. до н.э. степной и лесостепной Скифии, а также Среднего Подонья, могильные ямы, как и в Келермесе, были окольцованы валами из материковой глины, выполнявшими ту или иную функциональную роль. По мнению Г.Т.Ковпаненко и С.А.Скорого, помимо утилитарного назначения глиняные валы, подобно кромлехам и рвам, были связаны с солярно-космическими представлениями и имели магическое охранное значение. Оба исследователя возводят этот элемент подкурганной конструкции к погребальной практике позднесрубных племен, полагая, что от них он был заимствован кочевыми скифами, а от последних перешел к обитателям Днепровской Лесостепи (24, с.75-77).

КАЭ - ГАЭ - 90
 Курган 31
 (№2 по Н.И.Веселовскому)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1		- материковый выкид	5		- граница выкида из траншеи 1904 г.
2		- разрозненные кости лошадей	6		- условная граница кургана
3		- линия нивелировки	7		- камни в насыпи
4		- граница травянистого слоя	8		- древесный тлен

Рис. 6,1. Курган 31 = 2/В. Раскопки А.Ю.Алексеева, Т.М.Кузнецовой, 1990 г.

Отдельные конструктивные детали келермесских погребальных сооружений I типа находят себе параллели и на более удаленных от Закубанья территориях. В этом отношении показательны кочевнические курганы VII-V вв. до н.э. степного Поволжья и Приуралья, а также одновременные с ними сакские могильники Тагискен и Уйгарак в Приаралье. Там представлены различные варианты прямоугольных и подквадратных могил, иногда значительных размеров (4,5 x 3,7 x 2,1 м — Уйгарак), выброс из которых и окружающая их подкурганная дневная поверхность выстланы травой или камышом. На дне могил встречаются остатки коры, травы (куга, осока, камыш), дерева и глиняной обмазки. В первом из названных регионов хворост и трава использовались для закладки погребальных ям еще до возведения перекрытия, которое далеко не всегда устраивалось (25, с.85; 26, с.60,63,64).

В рассматриваемой связи интересны этнографические данные, почерпнутые В.С.Ольховским у Г.П.Снесарева, относительно погребального обряда кочевников Казахстана новейшего времени. Выясняется, что еще в XVIII веке рядовых казахов хоронили в могилах, прикрытых камнями, а затем коврами и кошмами, сделанными из камыша. Не менее примечателен для нас и обычай выделять погребения храбрейших воинов воткнутыми на их могилах копейными древками и колчанами со стрелами (17, с.97).

Итак, богатые келермесские усыпальницы I типа не имеют корней в прото-меотской культуре. Обладая некоторым своеобразием в строительных приемах (наплывы материкового выкида на стенках погребальной камеры, а также края досчатого пола, деревянная рама по периметру дна в кургане 31 = 2/В), они тем не менее органично вписываются в круг ямных могил, характерных для многих раннекочевнических обществ Евразии.

Более того, в своем истинном виде, то есть без вымышленных Н.И.Веселовским столбовых и шатровых строений, они гораздо ближе стоят к архаическому стереотипу скифской царской гробницы, описанной Геродотом (IV, 71). Прежде всего здесь налицо обширные земляные ямы четырехугольных очертаний. Четырехчленность, как это общепризнанно, присуща древнейшим индоиранским, в том числе и скифским, представлениям о пространственной организации вселенной (27, с.47). Келермесские комплексы подтверждают также информацию "отца истории" о применении различного рода травянистых растений (камыш, тростник, солома) при устройстве могильных сооружений. Заслуживает внимания и тот факт, что в кургане 4/Ш засвидетельствован, отмеченный Геродотом, обычай ритуального использования копий в погребальном культе. Согласно письменным и археологическим данным, сакрально-магический акт, сопровождавшийся вонзанием в землю мечей, наконечников копий, стрел и дротиков, играл видную роль в религиозных верованиях кочевых скифских племен. По мнению С.С.Бессоновой, оружие в "рабочем положении" приписывалась апотропеическая функция — люди стремились таким образом обезопасить себя от опасных вредоносных покойников или же, наоборот, защитить самих умерших от злых сил. Не исключалось также и символическое отмщение врагу в случае убийства им погребенного (28, с.8).

Сходные обряды существовали в раннескифский период у ряда горских на-

родов Кавказа (29, с.30,35), а в недавнем прошлом — у кочевников казахских степей, о чем уже говорилось выше. Вместе с тем культ оружия в такой форме был почти неизвестен оседло-земледельческим племенам Среднего Приднепровья, а также близким к ним по хозяйственно-экономическому укладу мотам Закубанья, на территории обитания которых засвидетельствованы пока что единичные погребения с оружием в "рабочем положении", относящиеся к IV в. до н.э. (30, с.80).

КАЭ - ГАЭ - 90
 Курган 31
 Центральная могила
 (Н.И.Веселовский, 1904 г.).

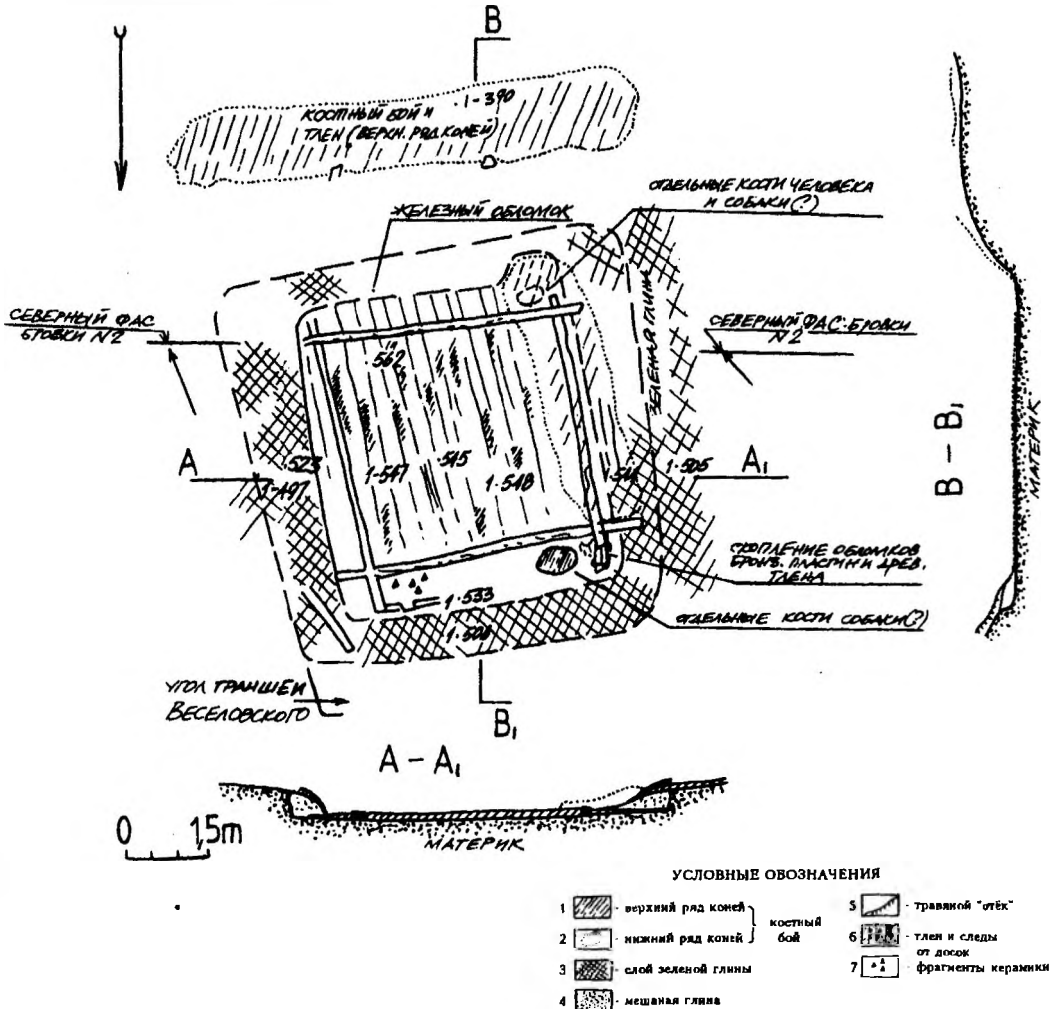

Рис. 6,2. Курган 31 = 2/В. Раскопки А.Ю.Алексеева, Т.М.Кузнецовой, 1990 г. План могилы.

Соответствуют данным Геродота и другие элементы по-царски роскошного погребального обряда Келермесских курганов, такие как довольно внушительные размеры земляных надмогильных насыпей, исключительное обилие, разнообразие и высокая материальная ценность заупокойных приношений, включающих изделия из золота и серебра, многочисленность конских жертв. Хищническое ограбление могил не позволяет вынести четкое суждение о составе погребенных лиц, но, по-видимому, не лишено оснований утверждение Н.И.Веселовского о наличии в них парных захоронений. Находка же в кургане 2/В двух шлемов указывает на возможность присутствия там двух воинских погребений.

По количеству конских жертв келермесские комплексы можно сопоставить только с близким к ним в хронологическом отношении Костромским курганом, содержащим останки двадцати двух лошадей (31, с.11-14). Однако, по истинно царской пышности убранства жертвенных лошадей они не имеют равных среди памятников раннескифской эпохи ни Северного Причерноморья, ни Предкавказья.

В приднепровских степях пока известны три архаических погребения скифских всадников, в двух из них встречены только уздечные принадлежности (удила, псалии), а в одном найден конский череп без следов оголовья (21, с.95,96,105). Захоронения одного-трех взнузданных коней, помещавшихся вместе с умершим человеком внутри могилы или рядом с ней в индивидуальных камерах, получили распространение в Скифии не ранее V в. до н.э. (21, с.117; 22, с.55).

Более скромные проявления культа коня, чем в Келермесе, засвидетельствованы также в архаических курганах Нартанского некрополя, содержащих от одного до пяти взнузданных коней, лежавших на животах с подогнутыми ногами в разных частях могил (16, с.20,30-34,37,39,40,43,44). В одновременных курганам Ставрополя (Краснознаменских, у с.Новозаведенное и др.) обычно в западной, но иногда и в южной и восточной частях гробниц встречались один-два верховых коня и два-четыре упряжных вместе с повозкой или колесницей. Изредка им сопутствовали отдельные уздечки (четыре-шесть), символизировавшие конские захоронения (32, с.218).

Общеизвестно, что массовые конские жертвоприношения составляют одну из специфических черт богатых кубанских усыпальниц скифской эпохи. Погребения конных воинов, впервые появившиеся в этом регионе на новочеркасском этапе, сопровождалась обычно чучелом взнузданного коня в виде набитой соломой шкуры лошади с ее головой и концами ног, помещавшемся, как правило, к западу от покойного (33, с.34). Значительно реже хоронили в то время целых верховых или упряжных лошадей от колесницы (курган 46 на могильнике Фарс и Уашхито).

На этом фоне Келермес заметно выделяется не только многочисленностью жертвенных коней, но прежде всего четко разработанным ритуалом их погребения, что, как уже отмечалось выше, проявляется и в группировке и в экипировке животных.

Нечто подобное наблюдалось в знаменитом кургане Аржан в Туве (VIII в. до н.э.), где тоже отмечалась группировка лошадей, в основу которой были положены определенные типы псалиев. По мнению М.П.Грязнова, кони в Аржане, а также в курганах кочевнической элиты Алтая и Скифии являлись не собственностью царя, а представляли собой заупокойные дары от подчиненных ему племен-

ных подразделений (34, с.47). Ряд исследователей разделяет эту идею в отношении Келермеса, полагая, что стилистика уздечного убранства найденных там лошадей свидетельствует о разноэтничном составе населения, оставившего эти памятники (35, с.29,30; 36, с.69; 5, с.53).

Келермесские "верхние" кони заставляют вспомнить известный пассаж Геродота (IV, 72), согласно которому через год после сооружения царского кургана скифы расставляли вокруг него эскорт из пятидесяти умерщвленных юных воинов, посаженных на убитых коней. Не исключено, что в Келермесе мы имеем с одной из зародышевых форм подобного обычая, принявшего впоследствии несколько иные проявления.

Жертвенный комплекс, обнаруженный на материковом валу в кургане 31 = 2/В по своему составу (две уздечки, замещающие равное им количество коней и два навершия) перекликается с ритуальными объектами, открытыми в насыпях многих курганов скифской аристократии IV в. до н.э. в Северном Причерноморье (37, с.48,49).

Навершия, неизменные спутники всех видов конских жертвоприношений в келермесских усыпальницах I типа, символизировали, скорее всего, мировое дерево (столп, ось), являвшееся краеугольным камнем скифской мифологической модели мира. Как свидетельствуют материалы кургана Аржан, эти культовые предметы становятся атрибутами кочевнического погребального обряда на территории Евразии не позднее VIII в. до н.э. (34, с.39, рис.25).

Продолжение и дальнейшую эволюцию обряда конских жертвоприношений келермесского типа (захоронения лежащих на брюхе лошадей, расположенных рядами внутри могилы и на верхнем ее обресе, преимущественно вдоль западной и южной сторон, но иногда также северной и восточной) демонстрируют Ульские и Елизаветинские курганы VI-IV вв. до н.э., в которых количество жертв достигает подчас гигантских масштабов (14, с.156; 42, с.149, рис.229, с.153, рис.235). Некоторые исследователи сближают этот наиболее впечатляющий элемент погребального обряда кубанских комплексов с древнеиндийским обрядом ашвамедха (38, с.110-112; 39, с.118-120). Судя по данным неоднократно здесь упоминавшегося кургана Аржан, в котором было обнаружено около ста шестидесяти конских остовов, погребение огромного количества лошадей не является специфической особенностью, присущей только кубанскому региону Евразии, как это длительное время считалось (34, с.49).

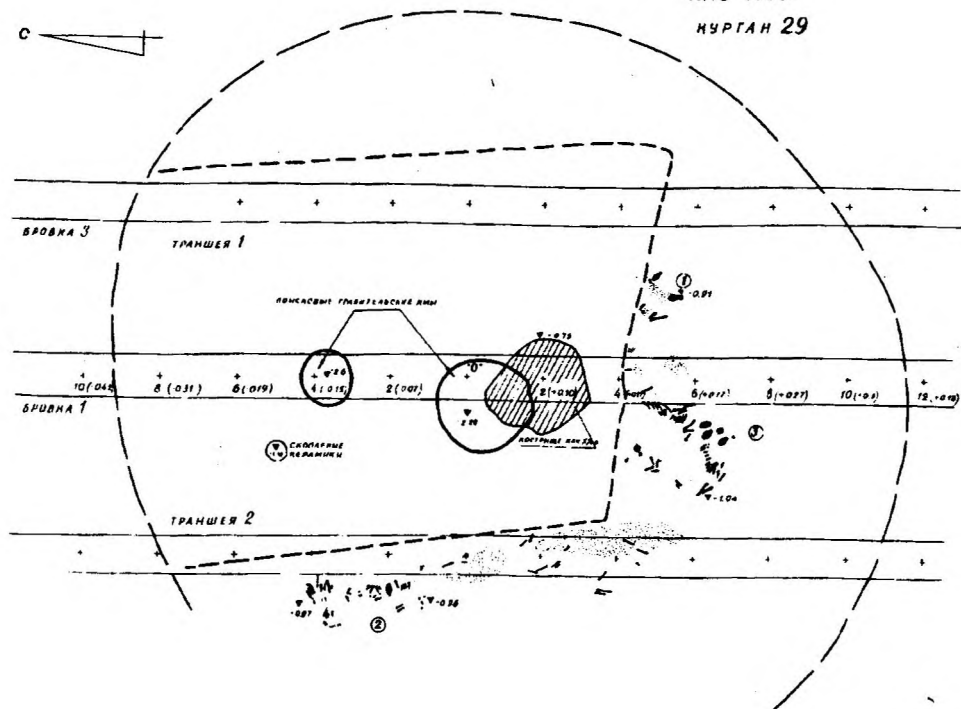
Присутствие в кургане 24 костей животных, лежавших ранее в бронзовой посуде — чисто скифская черта, не характерная для местных памятников как предскифского, так и более позднего времени. Правда, в скифском мире этот обычай получил широкое распространение в V-IV вв. до н.в.

В связи с находкой гальки, встреченной в кургане 2/В, следует отметить, что сопровождение умерших подобными предметами (от одной до двух-трех штук) свойственно меотской погребальной обрядности (33, с.49). Вместе с тем, целые скопления галек выявлены в архаических могилах Нартанского могильника (16, с.41) и единичные экземпляры засвидетельствованы в Краснознаменском кургане I, а также в константиновском комплексе в низовьях Дона (40, с.70).

КАЭ-1988

КУРГАН 29

38 г.

Самое не...
 менные четырехугольные жер...
 гавшиеся в центральной части могил в...

памятников предскифского и скифского времени характерны фрагменты плоских каменных жертвенников, реже плиты неровных очертаний, иногда расколотые на куски, как например в Костромском кургане (31, с.13). Четырехугольный эсхар со сквозным отверстием посередине, предназначавшийся, вероятно, для возлияний и кровавых жертвоприношений подземным божествам, обнаружен в святилище с массовыми гекатомбами в одном из самых величественных курганов Ульского некрополя (41, с.30,31). Таким же образом располагался каменный корытообразный жертвенник со следами костра в "храме огня", находившегося под насыпью кургана I краснознаменной группы (32, с.218). Подобный келермесскому алтарикорытце имеется также в коллекции уйгаракских каменных жертвенников, происходящих из могил сакских женщин, выполнявших жреческие функции, связанные с культом огня и очага (26, с.156, рис. XXIV, 7).

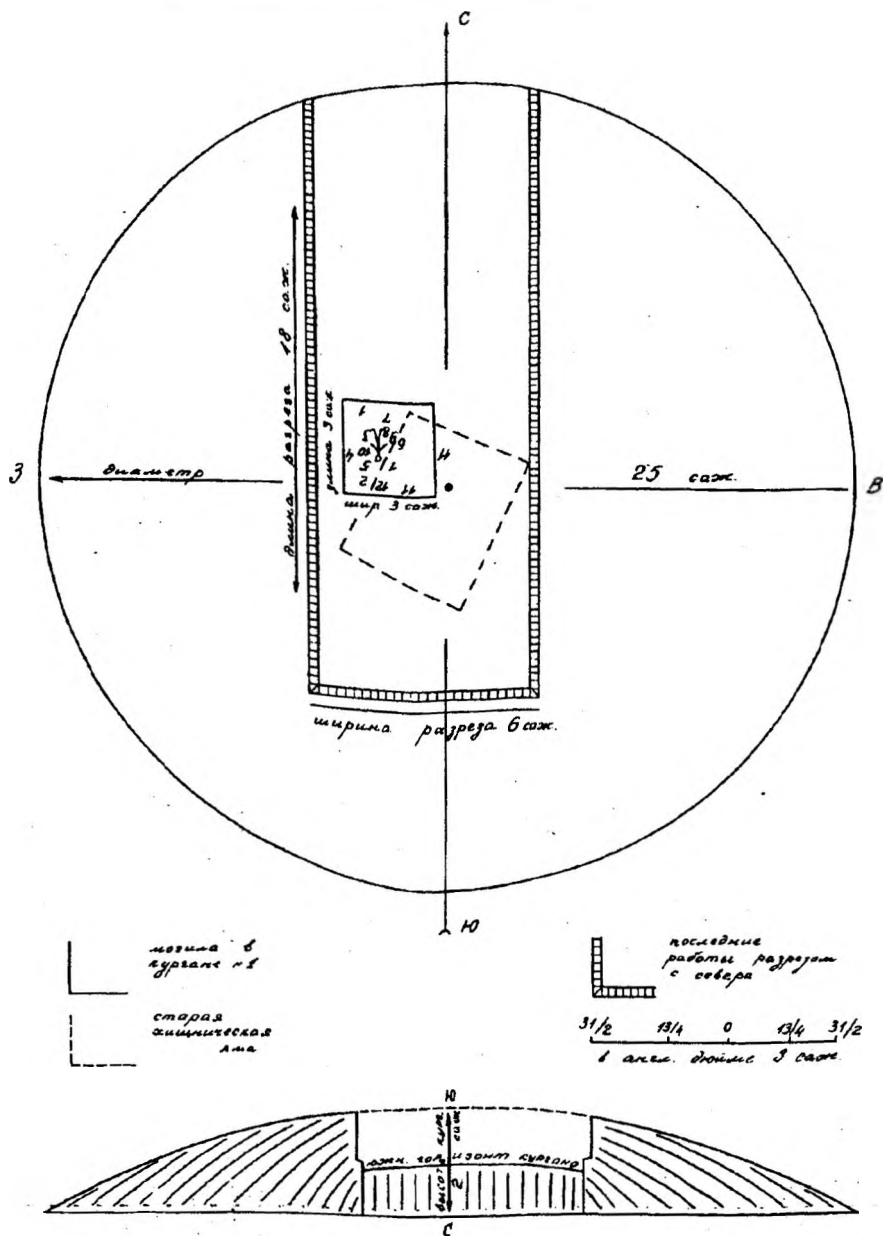

Рис. 8. План и разрез кургана 1. Раскопки Д.Г.Шульца, 1903 г.

1 - наконечники стрел; 2 - шлем с диадемой; 3, 6 - бляшки; 4 - буса; 5 - пластина-пантера; 7 - кинжал; 8 - меч в ножнах; 9 - секира; 10 - панцирные пластинки; 11 - две пары удил; 12 - два наконечника копья.

1, 2, 10, 11 - бронза; 2, 6 - золото; 10, 12 - железо; 7, 9 - железо, золото.

Итак, большие Келермесские курганы до сих пор остаются уникальными археологическими реалиями своего времени. Вместе с тем наиболее существенные типовые элементы могильных сооружений и погребального обряда этих неординарных памятников находят себе наиболее близкие параллели в раннескифских курганах Северного Кавказа, Северного Причерноморья и, отчасти, в архаических могильниках кочевого мира Южного Приуралья и Приаралья. Особенно симптоматично, что в Келермесе сфокусирован почти весь набор признаков, свойственных по Геродоту церемониалу похорон скифских царей.

Менее показательны скифский облик вещевых комплексов и присутствие в могилах предметов, говорящих о былом участии их владельцев в героических ближневосточных походах. В последние годы накопилось немало интересных материалов, свидетельствующих о том, что "в археологическом выражении материальная культура исторических киммерийцев в Передней Азии и культура причерноморских и азиатских скифов" были настолько близки, что практически неотличимы друг от друга (42, с.91). И с этой точки зрения выдвинутая М.И.Артамоновым гипотеза о киммерийском происхождении больших курганов в Келермесе, которую он сам признавал необычной, имеет право на существование, но требует, несомненно, более веских обоснований чем приведенные им доказательства от противного (2, с.63). На настоящем же этапе наших знаний скифская этническая принадлежность келермесских погребальных памятников I типа вряд ли имеет себе альтернативу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эмитажа. Прага-Ленинград, 1966.
2. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974.
3. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. №3.
4. Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
5. Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып.30.
6. Галанина Л.К. К проблеме этнической атрибуции Келермеса (в свете новых раскопок) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Тез. докладов. СПб., 1994.
7. ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
8. Архив ИИМК. Фонд 1. Дело 1904 /9.
9. Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Новое о Келермесе // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.
10. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып.24.
11. Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. 1994. №1.
12. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
13. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
14. ОАК за 1909 - 1910 гг. СПб., 1913.
15. Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып.23.
16. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периода // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.

17. Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту // СА.1987. №4.
18. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
19. Ковпаненко Г.Т. Племена скифского часу на Ворскле. Київ, 1967.
20. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясьмин. Киев, 1975.
21. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983.
22. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
23. Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.
24. Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. 1988. №2.
25. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
26. Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. М., 1973.
27. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
28. Бессонова С.С. О культуре оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.
29. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
30. Каминская И.В. Меотский могильник у х.Александровского в Закубанье // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
31. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
32. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
33. Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры (Могильник у хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975.
34. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
35. Ковалев А.А. О захоронениях лошадей в Келермесских курганах (к разработкам М.П.Грязнова) // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Тез. конф., Омск, 1987.
36. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
37. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.
38. Кузьмина Е.Е. Конь в религии саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
39. Лелеков Л.А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980.
40. Кияшко В.Я., Коренько В.А. Погребение раннего железного века у г.Константиновска на Дону // СА. 1976. №1.
41. ОАК за 1913 - 1915 гг. СПб., 1918.
42. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

L.K.GALANINA
SCYTHIAN VAULTS IN KELERMES
Summary

This article is devoted to ethnic attribution of large Kelermes barrows - classical monuments of the epoch Scythian archaics. Basing on the materials of the earlier excavation (1903-1904) and modern additional research of some complexes (1981-1990), the author develops an extensive and reliable description of their burial rite and comes to the conclusion about Scythian attribution of Kelermes barrows under consideration.